

Регенерация абсурда в русской прозе конца XX – начала XXI века

Изменение картины мира в конце XX века повлекло за собой новую эстетику: восприятие окружающего теряет категорический императив, приобретает вариативность и служит источником прозы, развивающей экзистенциальную философию, передающей трагическое понимание абсурдности бытия, ограниченности, вторичности, иллюзорности действительности (взаимопроникновение категорий абсурда, сюрреализма, концептуализма, онтологического реализма). В прозе XXI века абсурд функционирует как многогранный феномен, объединяющий разнородный межтекстовый материал и внутритекстовые структурно-композиционные и жанрово-стилистические принципы. Абсурдная картина мира в подобного рода произведениях обусловлена дефицитом гармонии как в сознании индивида, так и в окружающей действительности, отсюда внимание к пограничным состояниям и маргинальным образам и областям существования, а также стремление вновь обрести утерянный смысл.

Ключевые слова: абсурд, литература, проза, текст, кризис, постмодернизм, смысл.

Stanislav Merkuшов

Regeneration of the Absurd in Russian Prose of the End of the XX – Beginning of the XXI Century

The change in the world picture at the end of the XX century led to a new aesthetic: the perception of the environment loses its categorical imperative, acquires variability and serves as a source of prose that develops existential philosophy, transmitting a tragic understanding of the absurdity of being, limitation, secondary, illusory reality (interpenetration of the categories of the absurd, surrealism, conceptualism, ontological realism). In the prose of the XXI century, the absurd functions as a multi-faceted phenomenon that combines heterogeneous intertextual material and intratextual structural-compositional and genre-stylistic principles. The absurd picture of the world in such works is caused by a lack of harmony both in the consciousness of the individual and in the surrounding reality, hence the attention to border States and marginal images and areas of existence, as well as the desire to regain lost meaning.

Key words: absurd, literature, prose, text, crisis, postmodernism.

Конец XX – начало XXI веков отмечены произошедшей в России радикальной трансформацией политических, культурных, идейных, эстетических

моделей и всех областей социальной жизни. Это время ознаменовано началом до сих пор не преодоленного кризиса российской и мировой культуры. Реакцией на сложившуюся обстановку можно считать помимо прочего возобновление абсурдистских тенденций в литературе. Известные политические и экономические события и их предпосылки (перестройка, распад СССР, обвал экономики в 1990-х гг. и т. п.) в некоторой степени определили локализацию литературных интересов в онтологической и гносеологической плоскости, т. е. в значительной мере в сфере абсурда. Появление в печати и на сцене пьес Л. С. Петрушевской, Н. В. Коляды, позже братьев Пресняковых, использующих приемы и методы абсурдизма, первые абсурдистские опыты В. Г. Сорокина и Е. Радова, концептуалистское творчество Д. А. Пригова и Л. С. Рубинштейна, экспериментальная поэзия Г. В. Сапгира – это и многое другое может аттестоваться как ренессанс художественной абсурдистики меж- и постсоветской эпохи. Возвращение абсурда в писательский и читательский обиход в 2000-е гг. обеспечено аналогичными социально-политическими мотивами, приобретшими современное звучание в текстах Д. А. Горчева, Е. В. Клюева, М. Ю. Елизарова, Д. М. Липскерова, О. А. Богаева и др.

С другой стороны, очевидна обратная тенденция, связанная с воздействием самих писателей и их произведений на историческое и культурное развитие, – этим воздействием, в свою очередь, обусловлены социальные, а следом и политические, и эстетические метаморфозы. Такое культурное взаимовлияние исторического и литературного процессов особенно активизируется в период повторяющегося экзистенциального кризиса, который приходится на рубежи эпох и в литературе выражается в актуализации авангардистских направлений, прежде всего абсурдистики, а также категории абсурда, реализующейся в иных литературных формах и жанрах.

Регенерация абсурда в контексте русской литературы 1980–2010-х гг. связана и с расцветом русского постмодернизма, объявившего кризис бытия, кризис мысли и языка. Хаос, трактуемый как состояние современного мироустройства с отсутствующим упорядочивающим и детерминирующим центром (смысл, логос, бог и т. п.), представляется фактически подготовленным эпохой постмодерна феноменом. Категория абсурда попадает в фокус спектра главных особенностей литературных новаций конца XX века, прежде всего постмодернизма: именно хаотичный мир полагается как всеобщий, вездесущий абсурд. Предметная действительность, формируемая авторами-постмодернистами, сумбурна и разорвана, в ней нет четкого разграничения добродетелей и пороков, не существует абсолютных истин. Постмодерном провозглашается смешение разнообразных экзистенциальных моделей, в нем

обнаруживается несоразмерность структурных компонентов реальности, которая страшна, трагична, апокалиптична и вместе с тем карнавализована и порой комична. Восприятие постмодернизма как константного явления на разных исторических этапах духовного кризиса человечества также соотносится с природой абсурда [1]. Однако, на наш взгляд, современный русский абсурд как ответ на кризис культуры, апологетом которого является постмодернизм, маркирует эсхатологический дискурс новейшей русской литературы (в том числе ее постмодернистского направления), для которой тем не менее характерен поиск организующего начала в дисгармоничном бытии. Этологическая и эсхатологическая проблематика продолжает функционировать в русской абсурдистике (в том числе в категориальном смысле), что обуславливает общность её этических установок и нравственных и гуманистических ориентиров классической русской литературы в ведущих реалистических образцах (Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский и др.).

Конец XX века ознаменован в российской истории многочисленными переломными тенденциями на фоне основного – политического (и сопряженного с ним мировоззренческого) – кризиса, связанного с процессом распада СССР. Глубокие внутренние кризисы и конфликты, в том числе национальные (нагорно-карабахский, приднестровский, грузино-абхазский, грузино-южно-осетинский), экономические, идеологические, военные и пр. в ряде других причин привели к невозможности дальнейшего существования Советского государства, по меньшей мере, в его «обновленном виде» или, тем более, в идеальном варианте. Начатые в период перестройки попытки системного реформирования действующей государственной модели не повлекли за собой желаемых преобразований и не дали результата в плане поддержания жизнеспособности, а лишь явственно обозначили перспективы ее фактического завершения. Специфика переломного времени заката СССР нашла свое отражение в литературе, авторы которой стремились исследовать новое положение человека в быту, в обществе, в культуре, в природе, отталкиваясь не только от дихотомических социальных ценностей кризисной социалистической эпохи или от традиционных представлений о человеке, о социальной истории, о природе, но и от их экзистенциального содержания во всей своей детерминированности. Черты абсурда в разнообразном своем выражении проступают в прозаических (как и в драматургических, и поэтических) текстах 1980-х гг.

Проза 1980-х гг., ориентированная на реалистическую традицию, в отдельных своих образцах по используемым приемам близка к абсурду на экзистенциальном и онтологическом уровне. Например, тексты С. Д. Довлатова, в том числе написанные в 1980-е гг. («Заповедник», «Наши», «Чемодан», «Филиал» и др.), на

уровне образной системы, сюжетообразующих элементов и некоторых черт поэтики смыкаются с литературой абсурда. «Экзистенциальное сознание» [20], одиночество, отчуждение от мира персонажей С. Д. Довлатова, сюжетное столкновение героя с «перевернутой» нормой окружающего мира, чреватой абсурдом, и т.п. оформляется у писателя посредством иронии, пародийности, прецедентности, и пр. «Абсурд у Довлатова представляет собой не только художественный прием, способ осмысления художником окружающей его действительности и человека как главного субъекта и объекта новых отношений между вещами, но является отражением мировосприятия самого писателя», — справедливо замечает Ю. В. Федотова [20, с. 153].

«Открытие абсурда социальной, эмпирической и метафизической реальностей» видит Т. Н. Чурляева в произведениях реалиста В. С. Маканина: «Предтеча» (1982), «Утрата» (1987), «Отставший» (1987) [24].

Метод доведения до абсурда присутствует в условно-метафорических и фантастических произведениях Ф. А. Искандера «Кролики и удавы» (1982) и В. Н. Войновича «Москва 2042» (1986). Поэтика романа В. В. Казакова «От головы до звезд» (1982) обнаруживает глубинные, общие с поэтикой Д. И. Хармса и других ОБЭРИУтов, но одновременно и взаимоотталкиваемые, абсурдистские черты и приемы, такие как текстуальная автономность и изобразительная специфика отношений человеческого и вещного миров. Г. Ермошина называет мир В. В. Казакова «*странным*» вслед за самим автором, когда у Д. И. Хармса мир порой представляется *страшным* в своей абсурдности [7].

Выход на метафизический план абсурда материализован в произведениях Ю. В. Мамлеева, опубликованных за рубежом и в СССР в 1980-х гг. (сборники рассказов «Изнанка Гогена» (1982), «Живая смерть» (1986) и др.). Сюжетная и сюжетообразующая абсурдность рассказов и романов Ю. В. Мамлеева, функционально расширяющая ее семантика танатологии изучается в работе Ч. Цзянхуа [21]. Исследователь О. Е. Романовская, сопоставляя творчество Ю. В. Мамлеева и Ф. М. Достоевского, находит, что осмысление антигероя у современного писателя развивается двояко: антигерой включается в абсурдный мир его рассказов одновременно являясь пародийным двойником героев классика [14]. На важнейшее для текстов Ю. В. Мамлеева соединение абсурда, трансцендентности и сверхрациональности обращают внимание многие исследователи: О. А. Колмакова [10], Т. Л. Рыбальченко [15; 17], Н. Н. Гашева [4] и др.

Тексты 1980-х гг. таких писателей, как В. Г. Сорокин, В. О. Пелевин, Е. А. Попов, В. А. Пьецух, В. А. Шаров, Т. Н. Толстая и др. воплощают обрывочность видимого мира, иллюзорность и критичность всех прежних состояний и положений советского человека, как будто стабилизовавшегося в

предшествующей реальности, призрачность представлений о мире. Кризис советской мифологии отображен и в произведениях т.н. «неонатурализма», в «другой прозе», (например, произведения С. Е. Каледина, ранние тексты Вик. Ерофеева, и др.).

Распад СССР, подобно Октябрьскому перевороту в свое время, явился причиной перелицовки самих оснований человеческого быта и бытия, трансформации привычного порядка и изменения правил. Безусловно, такие изменения влекли за собой кризис устоявшейся картины мира, связанный с утратой прежних коммунистических идеалов; нравственный и ценностный кризис общества, детерминированный смещением традиционных бинарных схем и понятий.

«Ощущение хаоса» для части интеллигенции не только определило мировоззренческий субстрат, но и приняло форму художественных исканий времени, модернизировало рецепцию и индикацию искусства. Об этом свидетельствует формирование в 1990-е гг. постмодернистского типа сознания с установками на новизну принципов литературного творчества, опиравшейся теперь на глобальное понимание условности мироустройства, относительности представлений о реальности и ее субъекте. Чувство абсурда определило концепцию свободной личности писателя, свободной прежде всего от внешнего мира. Согласно Т. Л. Рыбальченко, «[л]итература становится текстом о текстах, онтологией литературы – не материальное бытие и не живое сознание, а тексты, язык, законы мышления, точнее, отсутствие законов мышления о мире, разочарование в поиске смысла...» [16, с. 72].

В отечественной культурной среде 1990-х гг. наметился курс на имидж и стиль в искусстве. По мысли популярного в это время художника-акциониста О. Б. Кулика, высказанной им в беседе 1995 г., тогда определилась особенно интенсивная фаза борьбы «между словом и знаком, изображением, жестом, невербальными высказываниями» [2, с. 180]. Эпоха логоцентризма, наступившая в XIX веке, завершилась, по мнению О. Кулика, в 1950–1960-х гг. на этапе развития концептуализма, «[к]ультурная парадигма меняется, из нее уходит литературоцентричность, она теряет власть, которую <...> она не так долго и удерживала», «на первое место выходит изображение или жест <...>» [2, с. 283]. Одновременно в жизни и искусстве 1990-х гг. обозначилась тенденция к освобождению от оков теории и политики, обусловленная предположением о неизбежности такого освобождения. Однако идея тотального избавления от теоретического и политического диктата влекла за собой расцвет суррогатного искусства, выраженного в его упрощенности, безвкусице и коммерциализации (повсеместное распространение массовой «бульварной» литературы, к при-

меру, эротического и порнографического содержания, часто написанной коллективом авторов и пр.). Развитию подобных процессов в литературе исподволь содействовали сами писатели и критики, в своих статьях и речах констатировавшие гибель литературы вместе с гибелью Советской империи («Поминки по советской литературе» (1989) Вик. Ерофеева; «Комментарии: заметки о современной литературе» (1991) А. Латыниной; «Алексия» (1992–1993) В. Новикова и др.). Новыми капиталистическими стремлениями было обусловлено переключение обыденного сознания на визуальные потребительские сферы, в первую очередь телевидение, с актуализацией необходимости приобретения и зарабатывания, что в большой степени вычеркивало из жизни многих людей духовную составляющую. Коммерческими и развлекательными функциями определялся и литературный вектор, где доминантными авторами стали Б. Акунин, П. Дашкова, Д. Донцова и др.

Ввиду подобных трансформаций категория абсурда 1990-х гг. в некоторых своих проявлениях начинает характеризоваться всеобъемлющим выходом за рамки не просто форм традиционного понимания письма, но и достаточно авангардистского даже для искушенного читателя творчества. Литературные произведения, публиковавшиеся, в частности, в «Митином журнале» – альманахе и издательстве, – изначально представляли собой, по словам основателя и главного редактора Д. Б. Волчека, чтение для узкого круга «ценителей нетрадиционной литературы» [8, с. 190]. По отношению к этим текстам рецепция исследуемой категории О. Д. Бурениной, помещающей абсурд «в авангарде авангарда» [3, с. 189], приобретает особое звучание. «Митин журнал» ориентирован на весьма новаторские, порой свержавангардистские произведения, иногда абсолютно не вписывающиеся в рамки официальной литературы. Между тем их можно отнести к гипернатуралистической абсурдистике (определение условно): так или иначе их авторы, и прозаики, и поэты (Я. Могутин, А. Витухновская, Е. Простоспичкин, К. Решетников (Шиш Брянский), позднее – И. Масодов, М. Климова и др.), все же последовательно реализуют многие принципы и приемы как отечественного, так и зарубежного абсурда в том или ином, чаще гипертрофированном, виде (Д. И. Хармс, О. Е. Григорьев, У. Берроуз).

Подчеркнем, что отечественная проза абсурда и об абсурде 1990-х гг. существовала не только в своем экстремальном варианте. К читателю продолжали возвращаться начавшие издаваться в перестроечное время запрещенные авторы, окончательный выход «из подполья» неофициальной литературы также знаменовался возможностью встречи более широкой аудитории с текстами, долгое время существовавшими в форме литературного самиздата. Авторы и тех, и других книг подходили к творчеству экспериментаторски и новаторски, что предполагало частотность использования авангардистских

приемов, абсурдистских прежде всего (Саша Соколов, Э. В. Лимонов, В. П. Аksenov, Г. Н. Владимов). Помимо «возвращенных» писателей в отечественной литературе «осваивались» авторы, вошедшие в неё в конце 1980-х гг. и ориентировавшиеся на отображение абсурдного среза действительности: В. О. Пелевин, Т. Н. Толстая, Д. Л. Быков.

Отдельные писатели не просто обратились к осмыслению советского прошлого (Б. Окуджава), но сосредоточились на экзистенциальном спектре жизни современного человека, ее пограничных рубежах, связанных с абсурдным восприятием им окружающего (В. С. Маканин, Л. С. Петрушевская, А. Г. Битов).

Между тем специфика 1990-х гг. пересекается с «пограничностью» природы категории абсурда, которая определяется своим нахождением и экспликацией на «рубежах» – культурных, литературных и исторических эпох, видимого и тайного, нормы и запредельности, разума, сверхразума и безумия, сознания и бессознательного и т.п., но прежде всего – смысла и бессмыслицы. Не следует, однако, забывать, что всякие границы иллюзорны и устанавливаются нами самими, они пребывают с нами постоянно и, возможно, особую экзистенциальную важность приобретает освобождение, выход за рамки логики.

Говорить об абсурдном в литературе, на наш взгляд, следует в том числе с точки зрения референтности восточного и западного типов сознания. Для восточного сознания характерна картина мира как бесконечности, причем бесконечности, выходящей за свои пределы. Западный тип сознания представляет собой фрагментированную модель реальности, которая складывается каждым индивидом подобно мозаике из разрозненных осколков. Так или иначе человеческое сознание западного типа находится в кризисном состоянии всегда, поскольку конвенциональные принципы существования предполагают постоянное наличие необходимости самоидентификации с определенными социальными ролями, пребывания в контексте навязанных обществом условностей и т. п. В силу этих и разнообразных иных причин западный человек заключен в перманентный конфликт с самими корнями жизни, и прежде всего с Абсолютом (см., подробнее: Дао дэ цзин [6]; А. Уотс [19]; С. Гроф [5]; К. Ясперс [26; 27] и др.).

Расхожее мнение о срединном положении России по отношению к западному и восточному культурным типам является следствием не только и не столько географического ее положения, но, главным образом, сосуществования этих двух сторон мировосприятия, нередко конфликтующих между собой. Однако только взаимное проникновение, синтез двух начал – западного и восточного – может привести к истинному ощущению целостности. Другими словами, отсутствие центра в разорванном сознании Запада со специфичным своим выражением в модернистском и, особенно, постмодернистском абсурде

сливается с рецепцией беспредельности миров в восточном сознании с реализацией в анализируемой категории и квинтэссируется в современном русском художественном абсурде.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. было популярно мнение о раздельном бытовании «классического» и «русского» постмодернизма с противоречивыми особенностями того и другого. М. Н. Эпштейн считает, что постмодернизм локально развивался в обратном общепринятому (с Запада в Россию) направлении – из России на Запад: «То, что стало сенсационным открытием западного постмодернизма, представляет собой традицию и рутину в тех культурах, где реальность издавна воспринималась как зыбкое понятие, вторичное по отношению к правящим идеям» [25, с. 9]. К его идеям в разной степени сопредельны гипотезы И. С. Скоропановой [18], Н. Н. Кякшто [11] и др. Исследователь Т. Г. Прохорова среди черт, определяющих «русский постмодернизм» в отличие от «классического», выделяет следующие: «1) абсурдность картины мира как отражение реального абсурда жизни; 2) равнодушие к социальной проблематике, политизация как следствие деконструкции советского мифа; 3) особое отношение к гуманистическим ценностям, отсутствие релятивизма "без берегов", тоска по вере, по идеалу; 4) пристрастие к специфическому типу героя, продолжающему линию древнерусского юродивого; 5) связь с культурной традицией по принципу притяжения-отталкивания, отсюда – особый характер игры: "игра при свете совести", поиск "последнего слова", продолжение русской культурной традиции через диалог-спор; 6) связь экспериментов в области формы и нравственно-философских исканий» [13, с. 20]. Конечно, нужно понимать, что термин «русский постмодернизм» достаточно условен, его следует использовать с осторожностью. Между тем выделенные Т. Г. Прохоровой черты русского постмодернизма, на наш взгляд, идейно мотивированы в текстах Вен. Ерофеева (чей юношеский роман «Записки психопата» увидел свет в 2004 г., но так же, как и поэма «Москва-Петушки», характеризуется своей разноплановой «переходностью»), Саши Соколова в его верлибр-трилогии «Триптих» (2007–2010), в романе Вик. Ерофеева «Хороший Сталин» (2004), в сборнике Л. С. Петрушевской «Пограничные сказки про котят» (2008), романе В. О. Пелевина «Empire V» (2006), в «Трилогии» (2002–2005) В. Г. Сорокина и др. Абсурдная картина мира в них детерминирована хаотичностью окружающего, отсюда интерес к маргинальным сторонам жизни, отсюда же стремление «показать аномальное состояние вечных ценностей в современном мире <...> и вернуть утерянный смысл» [12, с. 165, 163].

Одна из наиболее характерных отечественных книг абсурда первого десятилетия XXI века – «Между двух стульев» Е. В. Ключева (2008). По сути, она представляет собой в некотором роде «практическое приложение» к теоретической работе Е. В. Ключева о литературе абсурда («Теория литературы абсурда» [9]): все выявленные во второй книге теоретические установки по поводу литературы абсурда реализуются в рассматриваемой в художественной форме, причем отдельные выкладки переносятся в лирические отступления («преступления», «наступления» и т. п.) практически без изменений (к примеру, причудливый разбор сказки о курочке Рябе как текста абсурда). Само название произведения является усеченной формой фразеологического оборота «сидеть между двух стульев», что позволяет говорить об определенной его семантической «перенастройке», при которой его привычная негативная рецепция частично снимается (имеется в виду понимание, что «*сидеть* между двух стульев» значит «*лицемерить, угодничать*») и выражение воспринимается с расширенной точки зрения, где доминирует пространственная установка. Тем самым значение «между двух стульев» открывает более внушительную перспективу смыслов, нежели в базовом сочетании, и эти смыслы, в свою очередь, предстают в самом тексте в очень необычных ракурсах.

Между тем в 2000-х гг. в литературе абсурда актуальны и т.н. «трэш»-тенденции, обозначившиеся в 1990-е гг. Абсурд в своих разнообразных модулях становится основой сюжета в текстах А. Етоева («Человек из паутины», 2004), Е. Радова («Суть», 2003), Б. Ширянова (трилогия «Пилотажи», 1996–2002), И. Масодова (трилогия «Мрак твоих глаз», 2001). По сюжету текстов И. Масодова, к примеру, патологическая жестокость, убийства детей и убийства детьми, и т.п. абсолютно демотивированы, доведены до предельного абсурда и, на первый взгляд, также не имеют какой-либо метатекстовой рефлексии. Немотивированное насилие у И. Масодова, помимо очевидной функциональности, связанной с деконструкцией детского фольклора, на наш взгляд, обусловлено, как и у Д. Хармса, эстетикой «черного юмора», присущей в том числе постмодернизму и открывающей онтологические аспекты понимания текста.

Малосодержательность эстетики глума, характерная для отдельных произведений 1990–2000-х гг., в последнее время сменяется эстетикой «новой духовности», что воплощается в художественном поиске, который безусловно тяготеет к мистическим и психоделическим формам, адресованным «гибкой» и разомкнутой аудитории с сознанием, свободным от шор. Интеллектуально-

визуальный импульс, свойственный отечественной литературе последнего десятилетия, удивительным образом комбинируется с влечением к архаике и примитивизму (к примеру, Е. Г. Водолазкин, «Лавр» 2012). В то же время в литературе настоящего периода кризис обнаруживается в частотности появления и востребованности синтетических и синкретических жанров (пародии, антиутопии и т.п.) с характерными для них методами и приемами (антиномии, остранения, гротеска, иронии и т. п.) («Метель» (2010), «Теллурия» (2013), «Манарага» (2017) В. Г. Сорокина). Эти приемы и методы были присущи литературе конца XX–XXI веков, но пекинский исследователь Ч. Цзянхуа абсолютно верно, с нашей точки зрения, отмечает, что и для постсоветского, и для нынешнего литературного пространства характерно господство т.н. «синтетических» произведений, в которых «наблюдаются разные черты литературных направлений: сентиментального, реалистического, модернистского, постмодернистского и др.» [21, с. 65].

В этом смысле важно заострить внимание на его весьма любопытной рецепции русской прозы переходного периода, связанной с выявлением жанрово-стилистических особенностей специфичных для нее «синтетических» текстов. Во-первых, исследователь подчеркивает отход писателей от бинарного мышления, стремление их к раскрытию не социального, но *экзистенциального* в человеке, сущностной его природы. Во-вторых, он выделяет такие, вытекающие из предыдущих, особенности «синтетических» произведений, как «размывание» и «неопределенность» исторического и социального фона и интерес к духовному существованию в конкретном культурном и национальном контексте. В-третьих, по мысли Ч. Цзянхуа, синтетическая литература связана с принципом «сюрреалистической эстетической деформации». «Абсурд выступает в синтетической прозе не только как один из приемов, но и как организующее начало произведений, как парадигма нового творческого мышления авторов», – считает исследователь [21, с. 67]. Таким образом, синтетическая литература, на наш взгляд, обладает признаками, сближающими ее с т.н. «русским» постмодернизмом в интерпретации Т. Г. Прохоровой. Для нее так же не характерно категорическое и нигилистическое отрицание и осмеивание традиционных ценностей, это отрицание относительно, условно. В своих формальных экспериментах авторы синтетической литературы также преследуют цель «духовного восхождения человека, то есть ориентиром для них служит отнюдь не только «эстетическая реформа» [21, с. 67]. Отсюда особый подход к принципу интертекстуальности в произведениях как к попытке

реконструкции, переосмысления и переоценки предшествующих литературных традиций, а не их деконструкции по преимуществу. «Чувство отчуждения и абсурда, – утверждает Ч. Цзянхуа, – выраженное в синтетическом творчестве, является духовной реакцией писателей на мир после пробуждения самосознания» [21, с. 67]. Можно резюмировать, что и в русском постмодернизме, и в синтетической литературе абсурд функционирует как многогранный феномен, объединяющий разнородный межтекстовый материал и внутритекстовые структурно-композиционные и жанрово-стилистические принципы.

Действительно, например, в произведениях последнего десятилетия таких мэтров российского постмодернизма, как В. Г. Сорокин («Теллурия», 2013; «Манарага», 2017) и В. О. Пелевин («Любовь к трем цукербринам», 2014; «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами», 2016) в атмосфере разнопланового и разнонаправленного абсурда развивается онтологическая, гносеологическая и эсхатологическая проблематика, связанная с поиском общих духовных и ценностных экзистенциальных ориентиров.

Абсурд сегодня возникает перед читателем не в эстетической, а, в метафизической или, даже, в теологической ипостаси, суть которой на первый взгляд – противоположение шаткой конструкции привычного мироздания, основанной на логике, а на самом деле, утверждение логичности и правильности забытого и потому исчезнувшего для запрограммированного сознания мира, который существует за окружающими его картонными декорациями конкретных предметов (А. Б. Сальников «Петровы в гриппе и вокруг него» (2017), «Отдел» (2018), «Опосредованно» (2019); В. Климов «Скорлупа» (2014), «Спутники» (2018) и др.). Подобный абсурд, очевидно, в качестве своего предшественника имеет абсурд Ю. В. Мамлеева и Е. Радова. Одновременно принимая (поскольку множественность миров неоспорима) и отрицая (по той же причине) рациональное мироустройство, авторы и герои современного абсурда (т.н. «постабсурда» в терминологии О. Л. Чернорицкой) действуют «от абсурда», «когда априори принято, что мир абсурден» [22, с. 145]. При этом исследователь имеет в виду, что в таком случае персонаж утрачивает свою «волю» и остается в тотальном подчинении писателя, который передает ему собственные «идеи, сны и наваждения» [22, с. 145].

Каждый писатель, так или иначе в своем творчестве моделирующий абсурдную реальность, выражает ее сквозь призму собственного кризиса сознания. О. Л. Чернорицкая говорит об этом в понятийной системе тождества и совпадения, то есть личный кризис, с ее точки зрения, может совпадать с кризисом политическим, социальным, историческим (исследователь приводит

тексты Дж. Барнса «История мира в 10 ½ главах», М. Сервантеса «Дон Кихот», Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»). «...[П]исатель намеренно переносит художественный мир в хронотоп собственного бытия, а мысли персонажа делает цитатами и иллюзиями собственных снов, идей и наваждений» [23, с. 186], – считает названный ученый. Авторы, наиболее очевидно и последовательно использующие метод *reductio ad absurdum* [23], сами то в шутку, то всерьез, но останавливали внимание на личностных факторах, получающих развитие в их текстах в разных формах.

Таким образом, можно констатировать, что постепенно абсурд перестает восприниматься только как дихотомическая художественная категория, что было свойственно древнерусской и средневековой литературе, и функционирует в прозаических произведениях Нового времени как многогранный, структурно усложненный феномен. В России в XX–XXI веков, как мы увидели, приемы и методологические элементы абсурда обнаруживаются в прозе различных литературных направлений. Абсурд стал одним из стержневых ее художественных компонентов.

Список литературы

1. Адорно Т. В. Эстетическая теория. М.: Республика, 2002. 527 с.
2. Бавильский Д. Скотомизация. Диалоги с Олегом Куликом. М.: Ад Маргинем, 2004. 320 с.
3. Буренина О. «Реющее» тело. Абсурд и визуальная репрезентация полета в русской культуре 1900–1930-х годов // Абсурд и вокруг: Сборник статей / отв. ред. О. Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 188–241.
4. Гашева Н. Н. Новое качество отечественного постмодернизма – преодоление синкрезиса // Вестник ВятГУ. 2013. № 2–1. С. 120–128.
5. Гроф С. Холотропное дыхание. Новый подход к самоисследованию и терапии. М.: Ганга, 2018. 352 с.
6. Дао дэ цзин. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 144 с.
7. Ермошина Г. Мир абсурда и мир странности: проза Д. Хармса и В. Казакова. Электронный ресурс. URL: <https://www.promegalit.ru/publics.php?id=6256> (дата обращения: 29.11.2019).
8. Иванов Б. В бытность Петербурга Ленинградом. О ленинградском самиздате // Новое литературное обозрение. М., 1996. № 14. С. 188–199.
9. Ключев Е. В. Теория литературы абсурда. М.: УРАО, 2000. 102 с.
10. Колмакова О. А. Игровая поэтика русской прозы рубежа XX–XXI вв. // Вестн. БГУ. 2014, № 10(3). С. 122–129.
11. Кякшто Н. Н. Русский постмодернизм // Русская литература XX века. Школы, направления, методы творческой работы. СПб.: Logos; М.: Высш. шк., 2011. С. 305–325.
12. Литвинцева Г. Ю. Своеобразие российского постмодернизма // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 163–165.

13. Прохорова Т. Г. Постмодернизм в русской прозе. Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. 96 с.
14. Романовская О. Е. Постмодернистская версия антигероя в рассказах Юрия Мамлеева // Вестн. КемГУКИ. 2013. № 23. С. 59–65.
15. Рыбальченко Т. Л. А. Платонов в интерпретации русских писателей второй половины XX века // Филологический класс. 2012. № 2 (28). С. 11–20.
16. Рыбальченко Т. Л. История литературы XX века как история литературных течений // Вестн. ТГУ. Филология. 1999. № 268. С. 68–73.
17. Рыбальченко Т. Л. Сюжет бродяжничества и новая картина мира в русской литературе // Вестн. ТГУ. Филология. 2013, № 6 (26). С. 87–100.
18. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература новая философия, новый язык. СПб.: Невский простор, 2001. 416 с.
19. Уотс А. Путь дзэн: Истоки, принципы, практика. М.: София, 2015. 288 с.
20. Федотова Ю. В. Проза С. Довлатова: экзистенциальное сознание, поэтика абсурда: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01; Черепов. гос. ун-т. Череповец, 2006. 178 с.
21. Цзянхуа Ч. Синтетизм – новое жанрово-стилевое явление современной русской прозы // Мир русского слова. 2011. № 2. С. 64–68.
22. Чернорицкая О. Л. Поэтика абсурда. Вологда, 2001. Т. 1: Классика. 87 с.
23. Чернорицкая О. Л. Поэтика абсурда в аспекте литературно-художественной методологии: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08; Лит. ин-т им. А.М. Горького. М., 2001. 207 с.
24. Чурляева Т. Н. Проблема абсурда в прозе В. Маканина 1980-х начала 1990-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2001. 247 с.
25. Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. М.: Элинина, 2000. 368 с.
26. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 528 с.
27. Ясперс К. Философия: В 3 кн. Кн. 3. Метафизика. М.: Канон+РООН «Реабилитация», 2012. 296 с.

References

1. Adorno T. V. *Jesteticheskaia teorija* [Aesthetic theory]. Moscow: Respublika, 2002. 527 p.
2. Baviľ'skij D. *Skotomizacija. Dialogi s Olegom Kulikom* [Scotomization. Dialogues with Oleg Kulik]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2004. 320 p.
3. Burenina O. «*Rejushhee*» telo Absurd i vizual'naja reprezentacija poleta v russoj kul'ture 1900–1930-h godov [The "flying" body is Absurd and the visual representation of flight in the Russian culture of the 1900s and 1930s] *Absurd i vokrug: Sbornik statej / otv. red. O. Burenina* [Absurd and around: a Collection of articles]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. Pp. 188–241.
4. Gasheva N. N. *Novoe kachestvo otechestvennogo postmodernizma – preodolenie sinkrezi* [A new quality of Russian postmodernism is overcoming syncretism] *Vestnik VjatGU* [Bulletin of Vyatka state University]. 2013. № 2–1. Pp. 120–128.
5. Grof S. *Holotropnoe dyhanie. Novyj podhod k samoissledovaniju i terapii* [Holotropic breathwork. A new approach to self-research and therapy]. Moscow: Ganga, 2018. 352 p.
6. *Dao dje czin* [The Tao te Ching]. St.Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2018. 144 p.

7. Ermoshina G. *Mir absurda i mir strannosti: proza D. Harmsa i V. Kazakova* [The world of the absurd and the world of strangeness: prose by D. Kharms and V. Kazakov]. Elektronnyj resurs. URL: <https://www.promegalit.ru/publics.php?id=6256> (Data obrashhenija: 29.11.2019).
8. Ivanov B. *V bytnost' Peterburga Leningradom. O leningradskom samizdate* [Petersburg as Leningrad. On the Leningrad self-publishing house] *Novoe literaturnoe obozrenie: zhurnal* [New literary review: a magazine]. Moscow, 1996. № 14. Pp. 188–199.
9. Kljuev E. V. *Teorija literatury absurd* [The theory of absurd literature]. Moscow: URAO, 2000. 102 p.
10. Kolmakova O. A. *Igrovaja pojetika russkoj prozy rubezha XX–XXI vv.* [Game poetics of Russian prose at the turn of the XX–XXI centuries] *Vestnik BGU* [Bulletin of the Buryat state University]. 2014. № 10(3). Pp. 122–129.
11. Kjakshto N. N. *Russkij postmodernizm* [Russian postmodernism] *Russkaja literatura XX veka. Shkoly, napravlenija, metody tvorcheskoj raboty.* St. Petersburg: Logos Publ.; Moscow: Vysshaja shkola Publ., 2011. Pp. 305–325.
12. Litvinceva G. Ju. *Svoeobrazie rossijskogo postmodernizma* [The peculiarity of Russian postmodernism] *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development]. № 4. 2014. Pp. 163–165.
13. Prohorova T. G. *Postmodernizm v russkoj proze* [Postmodernism in Russian prose]. Kazan': Kazanskij gosudarstvennyj universitet, 2005. 96 p.
14. Romanovskaja O. E. *Postmodernistskaja versija antigeraja v rasskazah Jurija Mamleeva* [Postmodern version of the antihero in the stories of Yuri Mamleev] *Vestnik KemGUKI* [Bulletin of the Kemerovo state University of culture and arts]. 2013. № 23. Pp. 59–65.
15. Rybal'chenko T. L. A. *Platonov v interpretacii russkih pisatelej vtoroj poloviny XX veka* [Platonov in the interpretation of Russian writers of the second half of the twentieth century] *Filologicheskij klass* [The philological class]. 2012. № 2 (28). Pp. 11–20.
16. Rybal'chenko T. L. *Istorija literatury XX veka kak istorija literaturnyh techenij* [The history of XX century literature as a history of literary trends] *Vestnik TGU. Filologija* [Bulletin of Tomsk state University. Philologie]. 1999. № 268. Pp. 68–73.
17. Rybal'chenko T. L. *Sjuzhet brodjazhnichestva i novaja kartina mira v russkoj literature* [The plot of vagrancy and a new picture of the world in Russian literature] *Vestnik TGU. Filologija* [Bulletin of Tomsk state University. Philologie]. 2013. №6 (26). Pp. 87–100.
18. Skoropanova I. S. *Russkaja postmodernistskaja literatura novaja filosofija, novyj jazyk* [Russian postmodern literature new philosophy, new language]. St.Petersburg: Nevskij proctor Publ., 2001. 416 p.
19. Uots A. *Put' dzjen: Istoki, principy, praktika* [The Zen way: Origins, principles, and practice]. Moscow: Sofija Publ., 2015. 288p.
20. Fedotova Ju. V. *Proza S. Dovlatova: jekzistencial'noe soznanie, pojetika absurda: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01.* [S. Dovlatov's prose: existential consciousness, the poetics of the absurd] Cherepov. gos. un-t. Cherepovec, 2006. 178 p.
21. Czjanhua Ch. *Sintetizm – novoe zhanrovo-stilevoe javlenie sovremennoj russkoj prozy* [Synthetism is a new genre and style phenomenon of modern Russian prose] *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word]. 2011. № 2. Pp. 64–68.
22. Chernorickaja O. L. *Pojetika absurda. T. 1: Klassika.* [The poetics of the absurd]. Vologda, 2001. 87 p.

23. Chernorickaja O. L. *Pojetika absurda v aspekte literaturno-hudozhestvennoj metodologii*: dis. ... kand. filol. n.: 10.01.08. [The poetics of the absurd in the aspect of literary and artistic methodology]. Lit. in-t im. A. M. Gor'kogo. Moscow, 2001. 207 p.
24. Churljaeva T. N. *Problema absurda v proze V. Makanina 1980-h nachala 1990-h gg.*: dis. ... kand. filol. n. [The problem of the absurd in V. Makanin's prose of the 1980s and early 1990s.]. Novosibirsk, 2001. 247 p.
25. Jepshtejn M. N. *Postmodern v Rossii* [Postmodern in Russia]. Moscow: Jelinina Publ., 2000. 368 p.
26. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of the history]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 528 p.
27. Jaspers K. *Filosofija*: V 3 kn. Moscow: Kanon+ROON «Reabilitacija», 2012. Kn. 3. *Metafizika*. [Philosophy]. 296 p.